

Ситуация на Северном Кавказе и национал–экстремизм

**Андрей ЗДРАВОВОСЛОВ, Центр социологического анализа межнациональных конфликтов
(Российский независимый институт социальных и национальных проблем)**

Буквально на днях вышел сборник под моей редакцией, который называется "Релятивистская теория наций". Эта книга является результатом анализа того опыта, который мы получили в ходе урегулирования межнациональных и этнических конфликтов. В книге констатируется, что нам нужно несколько иначе подойти к понятиям "нация", "национальность".

В своем сегодняшнем выступлении я постараюсь объяснить, почему экстремизм часто выливается в форму некоей националистической идеологии. Психологической предпосылкой экстремистского движения является четкое деление: "мы и враги", "кто не с нами, тот наш враг".

Следующей чертой экстремистского сознания является наличие определенных "фобий", которые не столько естественным образом порождаются в сознании, сколько продуцируются лидерами соответствующих национально–экстремистских групп. Эта уверенность в правоте своего дела и эта простота решений, которые предлагаются в политике и в политической практике, связаны именно с тем, что "мы знаем, кто есть наши враги". И чаще всего, в силу некоторых особенностей психологии, этими врагами оказываются национальные "не мы", люди другой национальности. Это можно проследить на истории тех конфликтов, которые были, в частности, на Северном Кавказе.

Исходя из этих посылок, наш институт провел в последние годы ряд опросов. В 1998 году проводился опрос, содержащий блок вопросов по национальной проблематике. Опрошено было 2000 человек. Это была выборка, которая представляет региональный разрез нашего общества без учета национального состава. Среди опрошенных было 17–18 процентов нерусского населения. В частности, участникам опроса предлагалось ответить на такой вопрос: "К каким нациям Вы испытываете симпатии, к каким испытываете антипатии?".

Возьму пять первых групп в том и другом случае. (Обращаю ваше внимание, что людям надо было самим вписать те или иные национальности, а не выбирать из предложенного перечня, поэтому большое количество участников опроса просто не заполняли этот пункт.) Нации, к которым выражены симпатии: украинцы – 9,9%, белорусы – 7%, французы – 6,3%, американцы – 4,9%, немцы – 4,1%. Евреи идут на 6 месте – 3,5%. Теперь антипатии. Люди вписывают такую нацию, которой в природе не существует, но все–таки в национальном сознании она присутствует: кавказцы – 14%, чеченцы (вполне конкретно) – 12,4%, евреи – 7,4%, азербайджанцы – 5%, армяне – 4%. Вот вам структура симпатий и антипатий, но это картина будет неполной, если не учесть того, что 19–20 процентов молодежи заметили, что они не испытывают антипатии ни к каким национальным группам. Это очень важный момент, все–таки большинство составляют эти 19–20 процентов. В первом случае 11 процентов говорят, что они испытывают симпатии ко всем нациям. Следовательно, дух вражды и дух боязни не является, на мой взгляд, доминирующим в сознании населения, в том числе в сознании молодежи, и поэтому у нормального, демократического восприятия других наций имеются достаточно мощная база и мощный ресурс, что вовсе не исключает, конечно, что определенная поддержка в массовом сознании есть и у радикальных националистических элементов. Но эта поддержка измеряется нами от 7 до 10 процентов. В частности, отвечая на вопрос: "Допускается ли межнациональный брак?", – 10 процентов участников опроса твердо заявляют, что они против межнациональных браков, а подавляющая часть населения не видит в этом ничего плохого и предоставляет решать этот вопрос тем, кто вступает в брак. Это говорит о том, что здоровое сознание все–таки преобладает.

Не так обстоит дело в конфликтных регионах. Там враждебность к иной нации, выступающей в образе врага, который создается в силу исторических условий, конечно, доминирует. Это особенно ярко проявляется в осетино–ингушских отношениях. Хотя ситуация на Северном Кавказе в 1998 году несопоставима с той, которая была в 1992 году. За это время произошли определенные процессы, самые острые периоды пережиты, и люди поняли, какой ценой приходится платить за этнофобию, за поддержку националистически настроенных лидеров экстремистского плана. В массовое сознание приходит понимание различий между защитой национальных интересов, этнических интересов, интересов республики и национальным экстремизмом.

Если говорить о ситуации на Северном Кавказе, то надо вспомнить 1991–1992 годы. Это были годы, когда конфликтная ситуация в России после распада СССР достигла пика своего напряжения, когда в нашей прессе ставился вопрос о том, будет ли существовать Россия как самостоятельное государство. Тенденции к самостоятельности регионов будут существовать всегда, поскольку Россия

является федерацией. В рамках любого федеративного государства существует и будет существовать всегда борьба между центральной властью и местной, региональной властью, республиками, субъектами. Кто больше возьмет власти, тот будет иметь возможность контролировать ресурсы и влиять на общую политику в своем регионе.

На Северном Кавказе именно 1992–1993 годы были такими наиболее острыми моментами. Это было связано не только с особенностями региона, хотя они очень важны, но и с общероссийской ситуацией, с тем, что власть в этот период была очень слаба. Весь этот период был периодом запугивания тоталитаризмом. Всякое изменение баланса в пользу центральной власти рассматривалось и преподносилось как возврат к тоталитарному началу. Сама идея тоталитаризма при этом была проанализирована очень слабо, поскольку совершенно не вычленено в российской истории содержание того, что произошло за период советской власти. Был тоталитаризм, был Гулаг, были репрессии, но вместе с тем эти 70 лет можно назвать этапом жестокой модернизации, которая осуществлялась насильственными методами и которая дала определенный результат в исходе Великой Отечественной войны. Мы уравнивали гитлеровский фашизм и сталинизм в массовом сознании, и в этом, я считаю, была допущена очень большая ошибка. Несмотря на ненависть к тем преступлениям, которые были совершены в период сталинского правления, я никогда не поддержал бы той мысли, что это одно и то же, что и гитлеровский фашизм.

Возвращаюсь к северокавказским проблемам. Помимо осетино–ингушского конфликта, помимо чеченского кризиса (я предпочитаю называть события, связанные с Чечней, именно кризисом, а не войной), на Кавказе существует фобия, связанная с Россией. Речь идет об образе России как общего и единого врага по отношению к Кавказу, который оказался завоеванным. Здесь тоже допускается ряд исторических ошибок, которые связаны с историей колонизации Кавказа. Это очень большой вопрос. Хотя, действительно, кавказская война, продолжавшаяся не 400 лет, а с 1818 по 1864 год на Западном Кавказе и по 1959 год на Восточном Кавказе с Чечней, носила достаточно жестокий характер. Русские войска выжигали там села, убивали женщин, детей, стариков и т.д. И затем значительная часть адыгского этноса была выселена в Турцию, правда, как бы добровольно. Эти факты истории генерализируются, и говорится о том, что Кавказ 400 лет воевал с Россией. Создается такой единый образ самой российской империи, которая существовала ранее и существует до сих пор.

Отсюда возникает и тот элемент сознания и практической деятельности, который используется Русским национальным единством. Оно претендует на ответственность за сохранение России как империи, опираясь на слабость и неясность государственной политики. Это позволяет мобилизовать какую–то часть молодежи, включить ее в ряды этого движения. Я думаю, что в антифашистской, антинационалистической деятельности очень важно учитывать культурный уровень этого слоя молодежи и ее лидеров. То же можно сказать о Макашове. Он произнес оскорбительные слова, но надо ли было их постоянно воспроизводить в средствах массовой информации? С точки зрения русского культурного потенциала этот человек не выдерживает никаких сравнений. Раскрытие низкого культурного уровня ряда деятелей, выступающих на современном политическом поприще – чрезвычайно важная задача. У нас же наоборот получается: люди, охваченные архаическими идеями, становятся национальными героями.

Я бы хотел призвать журналистский корпус к более умеренной позиции в освещении националистических проявлений и при этом не забывать демонстрировать, что собой представляют носители радикальной националистической идеологии с точки зрения их культурного потенциала.

М.Пискунов:

– Говоря о национализме, Вы произнесли фразу: "Защищать достоинство своей нации, своей России – это святая обязанность каждого гражданина России". Не подменяются ли здесь два понятия – своей "нации" и своей "России"? Нация – это одно, а Россия – это страна.

Это первый вопрос. И второй, может быть, он будет более широкий. Не является ли деление людей по нациям основой для зарождения экстремизма? Поясню этот вопрос. Как Вы сами сказали, на основе исследований только 10 процентов граждан России против смешанных браков. Если разобраться, то у каждого из нас где–то какая–то кровь примешалась. Нет чистых русских, нет чистых татар, ингушей и т.д.

А.Здравомыслов:

– Это очень существенные вопросы. Они являются содержанием этнологического и социологического дискурса. Вы, наверное, знаете позицию Валерия Александровича Тишкова по второму Вашему вопросу, которая заключается в том, что само понятие "нация" не стоит

употреблять в научном лексиконе, потому что это понятие имеет чисто политическое значение. Тишков предлагает оставить для науки понятие "этнос", а понятие "нация" оставить политикам. Я, например, с этой точкой зрения не согласен, потому что в нашей гуманитарной области, области социального знания нет четкого раздела: невозможно зафиксировать понятия, которые должны употребляться только в научном смысле, а в повседневной массовой коммуникации они бы отсутствовали. Наоборот, задача исследователя состоит в том, чтобы объяснить смысл актуальных, общеупотребляемых понятий. В своих работах я как раз выдвигаю точку зрения, что понятие "нация" нужно освободить от этнической нагрузки. "Нация" все-таки понятие более гражданское, политическое, чем этническое. В истории общественной мысли мы можем зафиксировать несколько вариантов трактовки этого понятия: есть "нация" как политическое сообщество, "нация" как этническое сообщество (чаще всего употребляется), "нация" как культурная общность (для русского народа это более подходяще).

Поэтому я согласен с Вами: де-факто нет чистых этнических национальных групп, но в сознании людей есть. Люди сами причисляют себя к русским, ингушам, осетинам, евреям. Причисляют себя на основании прежде все языкового опыта. А крайние националисты говорят: "Нет, не язык важен, а важны кровь, происхождение, родители". Моя точка зрения: язык, культура, национальный характер – в какой-то мере проблемы психологии, самоидентификации. Но именно благодаря этому подходу, мы получаем возможность несколько уменьшить значение национальной идентификации. Но не следует, мне кажется, выдвигать ее в качестве единственной и главной идентификации, говорить, что человек еще и гражданин, и поэтому для него не столько русский народ важен, сколько Россия как государство, как общество в ряду мировых сообществ. И если говорить о преодолении национальности вообще, давайте преодолевать ее вместе: русские пусть преодолевают, и американцы, и немцы, и англичане, и французы. Если все будут одновременно двигаться в этом направлении, тогда смысл национального момента будет ослабевать. Но практически мы сталкиваемся сейчас с ситуацией конфликта междунациональной и гражданской идентичностью. Причем опять же эмпирические данные показывают, что 22–25 процентов молодежи настаивают на приоритете национальной идентичности и столько же – на приоритете гражданской идентичности. В национальных республиках, кстати говоря, представители титульных национальностей заинтересованы в сохранении национальной идентичности. Это было особенно ярко выражено в попытке ввести новый паспорт, в котором отсутствовала запись о национальности. Это было правильно с точки зрения гражданского обеспечения российской солидарности. Но представители нерусских национальностей говорят: "Нет, как же так, у нас должны быть преимущества, потому что нас меньше". Одна из главных проблем русского народа состоит в том, что его преобладание обеспечено двумя причинами – количеством и наличием культурной основы. Все-таки и осетины, и ингуши, и чеченцы на всех своих официальных встречах и переговорах пользуются русским языком.